

П. И. НОВГОРОДЦЕВ

Восстановление святынь

Посвящается памяти В. Д. Набокова

1. Оскудение демократической идеи

Едва ли может быть сомнение в том, что время, нами переживаемое, властно и решительно требует новых слов. Те политические верования, которые недавно еще казались великими и определяющими, явно потускнели и померкли. За ними продолжают стоять лишь небольшие группы политических староверов, сохранивших привычку жить отвлеченностями и все более оказывающихся вне жизни.

Очень многие из бывших партийных деятелей ушли всецело в непосредственное практическое дело, содействуя всеми силами сохранению и подготовке полезных работников для будущей России. Эта культурная работа, имеющая пред собою совершенно ясные и реальные цели, бесконечно выше тех словесных политических упражнений, которые, при всей своей неумоимости, никого не пугают и не обращают, кроме немногих и без того обращенных. И нет сомнения, такой отход от политической фразы к культурному делу есть также известная новая программа. Однако эта практическая программа не такова, чтобы дать основание к выработке новых начал, указующих духовный путь к грядущей России. А между тем с разных сторон высказывается потребность определить, какие же «слова сейчас нужны и действенны», чувствуется необходимость открыть, по незабвенному выражению В. Д. Набокова, «какие струны надо задеть *в сердце и совести*» при настоящих бесконечно-тяжких условиях.

Как всегда, искание новых путей с особенной напряженностью проявляется среди молодежи. Повсюду, где русские молодые люди имеют возможность жить в более культурных условиях, у них идет напряженная работа мысли, замечается настойчивое желание дать себе отчет в том, что пережито в прошлом, в эти небывалые годы крушения всяческих надежд, и установить свое отношение

к будущему, столь неведомому, загадочному и таинственному. И всего интереснее и знаменательнее эта работа там, где с особой силой ощущается недостаточность основ, с которыми еще недавно связывались лучшие упования.

Как правильно заметил в статье своей о В. Д. Набокове барон Нольде¹, огромное большинство русского общества в недавнем прошлом связало себя с «попыткой построить народовластие», и эта попытка потерпела крушение. Надо иметь какую-то особую способность восприятия, чтобы полагать, что крушение в России демократической идеи в условиях страшного упадка и самой России есть лишь обходный путь к полному торжеству истинной демократии. Для тех, кто с болью сердца видит этот процесс упадка и разрушения, такие иллюзии невозможны. Для них ясно, что нужен какой-то новый подход к жизни, какое-то новое отношение к действительности. Это именно то, что думал В. Д. Набоков, когда за три дня до своей кончины писал: «Куда, к чему звать?.. Ведь для нас когда-то — не так давно — “демократия” было великим словом, полным значения и ценности. Если оно оскудело, — что, какие слова и идеалы пришли ему на смену?».

Вот это чувство оскудения демократической идеи, это яркое и живое сознание, что нам нужно какое-то совершенно новое ощущение и жизни, и России, и наших задач, и составляет ту основу, на которой осуществляется сейчас пересмотр старых верований и взглядов. Ход мысли, который при этом совершается, чрезвычайно прост и неотразим: если бы демократическая идея всегда и везде обладала настоящей созидательной силой, она привела бы Россию к величию и свободе, а не к разрушению и порабощению; если же этой силы она не обнаружила, значит одно из двух: или, при данных условиях, она была недостаточна, или ее не умели осуществить. В начале революции на охрану народовластия стали люди, которых русское общество выдвинуло как своих самых лучших, самых способных людей. Эти люди взялись за свою задачу с твердой верой, что для России начинается заря лучшего дня. Если их усилия оказались бесплодными, если в результате вместо ожидаемого величия Россия пришла на край гибели, очевидно, они ошиблись в чем-то самом главном и основном.

2. Результаты «завоеваний революции»

Как известно, те, кто накануне 27 февраля стремился к перемене в системе управления, готовились к дворцовому перевороту. В действительности произошел военный бунт, который превратился в длительную, стихийную революцию.

Но каждая такая революция есть в то же время и диссолюция, разрыв связей, возмущение страстей против обязанностей и частей против целого, разложение государства и народа. Этот характер революции 1917 года очень скоро и с полной ясностью был осознан и Временным правительством, как это видно из воззвания его к населению от 26 апреля 1917 года. В этом воззвании мы находим замечательные признания, которые навсегда останутся драгоценным свидетельством и взгляда Временного правительства на ход революции, и его представления о системе государственного управления.

«Призванное к жизни великим народным движением, Временное правительство признает себя исполнителем и охранителем народной воли. В основу государственного управления оно полагает не насилие и принуждение, а добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти. Оно ищет опоры не в физической, а в моральной силе. С тех пор, как Временное правительство стоит у власти, оно ни разу не отступало от этих начал. Ни одной капли народной крови не пролито по его вине, ни для одного течения мысли им не создано насильственной преграды. К сожалению и к великой опасности для свободы, рост новых социальных связей, скрепляющих страну, отстает от процесса распада, вызванного крушением старого государственного строя... В этих условиях, при отказе от старых насильственных приемов управления и от внешних искусственных средств, употребляющихся для поднятия престижа власти, трудности задачи, выпавшей на долю Временного правительства, грозят сделаться неодолимыми. Стихийное стремление осуществлять желания и домогательства отдельных групп и слоев населения явочным и захватным путем по мере перехода к менее сознательным и менее организованным слоям населения грозит разрушить внутреннюю гражданскую спайку и дисциплину и создать благоприятную почву, с одной стороны, для насильственных актов, сеющих среди пострадавших озлобление и вражду к новому строю, с другой стороны, для развития частных стремлений и интересов в ущерб общим и к уклонению от исполнения гражданского долга».

Трудно было яснее представить разрушительную силу революции, чем это сделано в приведенных словах. Временное правительство с своей стороны не имело в виду ничего противопоставить этому процессу разрушения, кроме своей веры в конечное торжество свободы и в моральную силу. В основу своего управления оно полагало «добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти». Оно не хотело применять «старых насильственных приемов управления», не хотело «насилия

и принуждения», говоря короче, не хотело неизбежных средств государства и права. Как правильно заметил в своих воспоминаниях о Временном правительстве Вл. Д. Набоков², эта идеология «очень была сродни идеологии анархизма». В той системе свободы, которая признавалась здесь за норму государственного управления, идея государства, власти и права в сущности упразднялась. Революция отдавалась на произвол стихийных сил, для которого впоследствии было найдено украшающее наименование «правотворчества снизу». В своем стремлении как можно менее походить на старую власть, Временное правительство и вовсе перестало быть властью. Это была не столько демократия, сколько узаконенная анархия.

Вот в каком сочетании идей и фактов действовал знаменитый лозунг «завоеваний революции», которым все время клялись и клянутся до сих пор творцы и поклонники революции. В воззвании Временного правительства от 26 апреля процесс этих завоеваний был назван своим подлинным именем «стихийного стремления осуществлять желания и домогательства отдельных групп и слоев населения явочным и захватным путем». И все эти завоевания — крестьян, рабочих, национальностей, всяких профессиональных и национальных групп и слоев — имели тот характер, что они не только отменяли старые стеснения и утверждали новые права, но и разрушали общее государственное единство: предъявленные и осуществленные в отношении того целого, которое представляла собою историческая Россия, они неизбежно должны были привести это целое к распадению и умиранию. Те, кто этим целым не дорожил, те, для кого революция была все, а Россия — ничто, те, для кого Россия была лишь костром для мирового пожара, совершенно последовательно настаивали на продолжении процесса завоеваний революции и требовали, как это называлось в то время, безостановочного «углубления революции». Те, кто Россию любил, но мнил создать ее благополучие исключительно на полноте осуществленных в ней свобод и завоеваний отдельных лиц и групп, кто не понимал силы связей и скреп, необходимых для общего единства жизни целого, неумышленно и невольно, но все же несомненно и неизбежно содействовали и потворствовали делу разрушения России. Сами того не сознавая, они отдавали свой патриотизм и свою любовь к России на службу интернационалу и социальной революции. И, наконец, те, кто видел, что углубление революции есть бег к пропасти, с самого начала желали остановить революцию, но были бессильны что-либо сделать. Каждая стихийная революция имеет свой естественный ход; она должна пройти свой путь до конца, прежде чем начнется спасительное

восстановление. В условиях русской действительности это было тем более неизбежно, что руководящее значение в революции получили не те, которые могли бы противодействовать стихии, а те, которые ей подчинялись. Во главе стояли люди, которые полагали, что все должно быть предоставлено свободе, что все образуется. Когда те, кто полагал, что достигнутых завоеваний революции достаточно, что эти завоевания надо не расширять, а укреплять, требовали, чтобы революция была остановлена, им возражали, что мера завоеваний революции должна быть определена не сверху, а снизу. Лозунг «завоеваний революции», по недавнему очень удачному выражению И. А. Ильина, несет с собой и лозунг «революционной вседозволенности». Тот, кто становится на путь этих завоеваний, должен видеть и все вытекающие отсюда последствия. Еще в первые месяцы революции те, кто стоял наверху, кто не мог не чувствовать ответственности своей за Россию, понимали, что, осуществляя задачи революции, надо иметь в виду также «соблюдение международных обязательств», «ограждение прав, достоинства и жизненных интересов России», «упрочение авторитета правительства и укрепление его власти». Но те, кто эти слова говорил, совершенно не знали, как сделать их действенными и живыми. А для тех, кто в революции хотел идти до конца, кто все хотел предоставить «правотворчеству снизу», это были пустые слова, не имевшие никакого значения. Таким образом под знаменем «завоеваний революции» Россия с неудержимой силой катилась к торжеству большевизма. Кн. Львов, Керенский и Ленин связаны между собой неразрывной связью. Кн. Львов так же повинен в Керенском, как Керенский в Ленине. Если сравнить этих трех деятелей революции, последовательно возглавлявших революционную власть, по характеру их отношения к злему началу гражданской вражды и внутреннего распада, то это отношение можно представить в следующем виде. Система бесхитростного непротивления злу, примененная кн. Львовым в качестве системы управления государством, у Керенского обратилась в систему потворства злу, прикрытого фразами о «сказке революции» и о благе государства, а у Ленина — в систему открытого служения злу, облеченную в форму беспощадной классовой борьбы и истребления всех, неугодных властвующим. У всех трех указанных лиц были свои утопические мечты, и со всеми ими история поступила одинаково: она обратила в ничто их мечты и сделала из них игральница слепой стихии. Прочнее всех овладел массами тот, кто более всего взывал к массовым инстинктам и страстям. В условиях общей анархии путь к власти и к деспотизму всего более открыт для наихудшей демагогии. Отсюда и вышло, что легализованная

анархия кн. Львова и Керенского с естественной неизбежностью уступила место демагогическому деспотизму Ленина.

В истории нередки случаи, когда и великие и славные движения, после известного периода подъема и расцвета, под влиянием косности жизни и человеческих слабостей, извращаются и вырождаются. Для русской революции характерно то, что ее падение и извращение началось с самого момента ее возникновения. Воспоминания В. Д. Набокова навсегда сохраняют драгоценное свидетельство современника, стоявшего в самом центре событий и ярко ощущавшего, что революция с самого начала была обречена на тот конец, к которому она пришла, что ее конец был предопределен ее началом. Внимательный и объективный взгляд, по словам В. Д. Набокова, «мог бы в первые же дни “бескровной революции” найти симптомы грядущего разложения».

Люди, все еще упорствующие, все еще ничему не научившиеся, продолжают и донныне твердить о «завоеваниях революции». Но не пора ли наконец пред лицом страдающей и в смертельных страданиях изнемогающей России ясно и решительно признать, что приведшая ее на край гибели революция являет собою не завоевание, не победу, не торжество нравственной идеи, а кару, страдание и трагедию. Я не хочу сказать, чтобы для нее не было причин в прошлом, и я не имею здесь в виду обсуждать, была или не была она неизбежной при данных обстоятельствах. Я утверждаю только, что если она и была неизбежна, то именно как страдание, кара и искупление. И очевидно, возрождение должно последовать не под знаменем «завоеваний революции», а под каким-то новым знаменем, которое укажет русскому народу новые пути.

3. Крушение народничества

В воззрениях людей, выдвинутых революцией кверху, имела определяющее значение их вера в народ, в «разум и твердую волю народа». Они были убеждены, что освобожденный от старых пут народ проявит в полной силе свою мудрость и обнаружит чудеса патриотизма, мужества и справедливости. Они верили, что «душа русского народа оказалась мировой демократической душой по самой своей природе», что «она готова не только слиться с демократией всего мира, но стать впереди ее и вести ее по пути развития человечества на великих началах свободы, равенства и братства». На деле вышло так, что в результате революции Россия не только не слилась с демократией всего мира и не только не стала впереди ее, а, напротив, противопоставила себя ей как система управления диктаторского, деспотического и вместе с тем разрушительного.

Являя собою картину голода и болезней, разорения и умирания, Россия оправдывает в наши страшные дни горькое предчувствие Чаадаева: «Мы как будто живем для того, чтобы дать какой-то великий урок человечеству»³.

Если под демократией понимать организованное самоуправление народа, сочетающееся с твердостью правового порядка и свободой жизни, то демократии в этом смысле не было ни в начале революции при кн. Львове и Керенском, ни в дальнейшем ее развитии при господстве советской власти. В начале искренно стремились к народовластию, но достигли только безвластия; а затем, когда пришли большевики и утвердилась их беспощадная власть, идея народовластия была отвергнута. На место ее была поставлена так называемая диктатура пролетариата, практически сводящаяся к олигархическому господству партийных вождей, властвующих и над своей партией, и над народом при помощи демагогии и тирании. Это крушение идеи народовластия в русской революции в свое время вызвало совершенно основательное требование П. Н. Милюкова о «пересмотре всех демократических программ, которые, ничего еще не давши народу, хотели “все” создавать через народ». Во время революции не только народные массы в России оказались «бессознательными и темными», но и культурные силы, призванные к организации народовластия, обнаружили свою политическую незрелость и свою неспособность к власти и к управлению.

Свобода в государстве утверждается на почве законного порядка, охраняемого властью. Эту мысль об органической связи политической свободы с твердостью закона и власти в свое время тщетно пытался привить русскому сознанию Б. Н. Чичерин. Политическое миросозерцание русской интеллигенции сложилось не под влиянием государственного либерализма Чичерина, а под воздействием народнического анархизма Бакунина. Определяющим началом было здесь не уважение к историческим задачам власти и государства, а вера в созидательную силу революции и в творчество народных масс. Надо только расшатать и разрушить старую власть и старый порядок, а затем все само собою устроится, — эту анархическую веру Бакунина мы встречаем одинаково у кн. Львова и у Керенского. На почве таких воззрений нельзя было, конечно, организовать ни народовластия, ни управления. И если по собственному свидетельству Временного правительства под его управлением «рост новых социальных связей стал отставать от процесса распада», если государство стало разрушаться, то это зависело не от одного действия стихийных центробежных сил, но и от бездействия власти. В лице этой призрачной и без-

властной власти потерпело жесточайшее поражение то сентиментально-романтическое народничество, которое верило, что стоит только свергнуть старую власть, и народ проявит свое совершенство и осуществит идеал всеобщего счастья. Уже в конце апреля Керенскому пришлось в один из моментов тягостного отрезвления с горечью вопрошать: «Неужели свободное русское государство есть государство взбунтовавшихся рабов?» и выразить сожаление, что он не умер два месяца назад... «с великой мечтой, что раз навсегда для России загоралась новая жизнь, что мы умеем без хлыста и палки уважать друг друга и управлять государством не так, как управляли прежние деспоты». Керенский и тут не понимал, что дело не в хлысте и палке, а в том, что государство есть государство и что Россия не изъята из общих условий, при которых только и может протекать государственная жизнь. Не только от старых методов управления, но и от этих общих условий властвования хотели освободить русский народ новые его правители. И тут они потерпели полное крушение. Их вытеснили те, которые хотели сделать Россию не передовой ратью демократии, а «передовым отрядом мирового мятежа». При этом новом этапе революции самому суровому гонению были подвергнуты именно те, кто накануне с такой горячей верой снимал с народа старые цепи. Новое углубление революции принесло им преследования и казни. Таков был трагический конец пламенных надежд народников, ставших на стражу «завоеваний революции». Вместе с ними потерпела крушение и романтическая вера в народную стихию, в неизменную правду и совершенство ее свободных естественных проявлений. Это была вера, как мы сказали выше, сентиментально-романтическая и в то же время позитивно-материалистическая. Она брала народ именно в его естественном и непосредственном определении. Ей недоставало сознания, что в народной душе, как и во всякой душе, есть своя лучшая и своя худшая часть и что поэтому от народа может исходить и высокий подъем героизма и мудрости, и «бунт бессмысленный и беспощадный». Силу этой худшей части народной души и просмотрели русские народники, в этом была их глубокая ошибка и великая трагедия.

В русском сознании мы встречаем и иную веру в народ, нашедшую самое яркое выражение у Достоевского. Это — вера религиозно-мистическая и в то же время реалистическая. Народ является здесь не предметом поклонения, а только средой обнаружения народного духа. Сам по себе, в своей естественности и непосредственности, народ может быть и плох, и хорош, и потому не народу надо поклоняться, а идеалам и святыням его. «Народ грешит и пакостится ежедневно, но в лучшие минуты, во Христовы минуты он никогда

в правде не ошибется. То именно и важно, во что народ верит, как в свою правду, в чем ее полагает, как ее себе представляет, что ставит своим лучшим желанием, что возлюбил, чего просит у Бога, о чем молитвенно плачет. А идеал народа Христос». Так говорит Достоевский, и для тех, кто стоит на этой точке зрения, и сейчас, после всего, что случилось, русская земля остается «святой, богоносной», «поруганной и оскверненной братской кровью, но хранящей святыни русские»: «растерзано русское царство, но не разодран его нетканый хитон» (Слова С. Н. Булгакова)⁴. Для этого взгляда все, что случилось, вовсе не представляется неожиданным и загадочным: по-прежнему ведь остается твердой вера, что «идеал у народа Христос», а то, что произошло в русской революции, лишь подтверждает мысль, которая была и у Достоевского, что «когда по грехам и слабости своей» народ об истинном своем идеале забывает, то «сразу оказывается зверем, сидящим во тьме сени смертной». Для этого реалистического взгляда все настоящее, как и все прошлое наше свидетельствуют, что в душе русского народа уживаются рядом и тоска по воле, и тоска по Боге. Тоска по воле разрывает иногда все связи и законы и божеские, и человеческие, переходит все меры и грани и условные, и естественные. Тогда русский человек увлекается на путь буйного разгула, на путь бунта, смуты и анархии. Тогда раскрывается пред ним бездна и пустота отрыва от всего святого и священного. Но тут-то и просыпается в нем другая, высшая тоска, которая также увлекает его к безмерному и бесконечному, но уже не отрицательному, а положительному — просыпается тоска по Боге.

Мы — зараженные совестью: в каждом
Стеньке — Святой Серафим,
Отданный тем же похмельям и жаждам,
Тою же волей томим⁵.

И как то же последствие отрыва от всех законов божеских и человеческих, после всех бурь и ужасов всеобщего расстройтва просыпается в народе и тоска по власти, жажда порядка, жажда жизни устроенной и спокойной.

Русский народ, вступив на путь революции, вступив на путь свободного проявления своей жажды воли, с неизбежной закономерностью должен был скатиться к большевизму. Ибо какими бы новыми коммунистическими лозунгами ни прикрывалась русская смута XX века, самым резким проявлением ее, так же, как и смуты XVII века, было «стремление общественных низов прорваться наверх и столкнуть оттуда верховников» (Слова В. О. Ключевского о Смуте XVII в.). И как тогда, так и теперь, почин в разрушении

общественного порядка принадлежал верхам общества. Разница только та, что низы на этот раз предупредили замыслы верхов и увлекли их за собою на путь «революционного правотворчества снизу». Вместе с тем они откинули сначала идеальные и патриотические лозунги верхов, а затем сбросили и их самих, отдавшись под власть открытым демагогам, поставившим все на грубые инстинкты, на буйные и слепые страсти масс. Так низверглась Русь в бездну.

Поддалась лихому подговору,
Отдалась разбойнику и вору,
Подожгла усадьбы и хлеба,
Разорила древнее жилище
И пошла поруганной и нищей
И рабой последнего раба⁶.

4. Необходимость отказа от революционной психологии

Рассуждая об итогах революционного процесса, А. В. Карташев очень правильно замечает, что «и в хаосе анархии и смуты могут быть положительные явления и начала». «Кое-что уже оседает, утрясается... Но что — кошмарный призрак анархической ночи, что — обманчивая тень предрассветных сумерек, что окажется при свете завтрашнего дня твердой действительностью различить сугубо неспособны страстно заинтересованные участники и наблюдатели процесса. Одно несомненно: старая ткань политического и социального строя разрушена до основания. Механическое ее восстановление и повторение исключено. А если *невозможна* непосредственная *реставрация*, то это и значит, что произошла в конце концов какая-то беспланная стихийная революция. Следовательно, выяснятся со временем и ее результаты, ее исторические “завоевания”. Перевесят ли они ту ужасную, голгофскую цену, которая за них заплачена? Во всяком случае, не нам, современникам и жертвам кровавого потопа и бездонных нравственных ужасов, дано набраться такой сверхчеловеческой бессердечности, чтобы торопливо справлять победный триумф при незаконченном еще балансе национальных проторей и убытков».

Не о том сейчас должна идти речь, чтобы торжествовать победу революции и подводить ее итоги. Пред лицом разоренной и с каждым годом все более дичающей родины нашей это было бы просто извращением и здравого смысла, и нравственного чувства. Надо раз и навсегда признать, что путь «завоеваний» революции пройден до конца и что теперь предстоит другой путь — «соби-

рания русской земли и восстановления русского государства». Когда русские демократические партии писали в старое время свои программы, они имели своей целью сделать Россию из несвободной страны свободной. Теперь пред всеми русскими людьми стоит задача, неизмеримо более тяжкая и настоящая, — сделать родину нашу из умирающей — живую. И для этой новой задачи нужен и совершенно новый дух, нужен коренной поворот политического сознания, нужно решительное изменение нашего отношения к нашей родине-матери. Идти на ее восстановление под знаменем «завоеваний революции», радеть о ее спасении и собирании с духом революционных и классовых вождений — это значит не понимать, не чувствовать, в какое страшное время мы живем и какая великая ответственность на нас лежит. Воссоздание России может быть совершено только подвигом и порывом общего национального объединения, только духом связанности высшими началами и святынями, сознанием ответственности перед целым. Дух классовых разделений и революционных требований должен при этом замолкнуть и замереть. Все мирозерцание, все устремление, весь строй душевной жизни должны коренным образом измениться. Когда сейчас, заглядывая в будущее, настаивают на том, что то или другое политическое требование должно быть непременно осуществлено в будущей России, что должны быть, например, обеспечены в ней крестьянская собственность и политическая свобода, мы скажем на это: и эта собственность, и эта свобода нужны, конечно, для России, и если они нужны, то и утвердятся в жизни; но для того, чтобы они утвердились, нужно прежде того, чтобы Россия, низвергнутая и распростертая, была поднята и призвана к жизни, нужно, чтобы русский народ перестал вымирать и от безумия коммунизма, и от новых опытов продолжения революции. Вот главная задача, стоящая сейчас перед всеми. И при этом совершенно второстепенным является вопрос, кто именно осуществит это великое дело спасения России. Те люди, которым удастся сделать так, что в России снова можно будет жить и дышать, а не погибать физически и нравственно, и будут желанными избранниками народа. Обсуждать сейчас партийные программы и условия, обязательные для этих будущих спасителей России, значит обнаруживать недостаток и политического предвидения, и патриотического чувства. Те, кто прочно станет на смену советской власти, будут, очевидно, достаточно сильны для того, чтобы откинуть всякие партийные условия и программы как ненужную ветошь. Вот почему столь несвоевременным является сейчас после всего, что мы пережили, нести на алтарь служения России остатки революционной психологии

и партийного догматизма. Глубокое непонимание условий и обстоятельств обнаруживают те, которые пытаются уже сейчас установить, какие конституционные формы примет власть, призванная к спасению России. Формы будут те, которые в тот момент будут соответствовать желаниям и нуждам народным. В разоренной, нищей и полумертвой стране невозможно будет мечтать о сложном аппарате государств Запада, сохранивших свои материальные и культурные средства. Русским людям придется придумывать учреждения более простые и более приспособленные к условиям русской разрухи. Мудрость политиков, воспитавших свою мысль на старых партийных программах и спорах и все еще мечтающих о «завоеваниях революции», тут не поможет. Люди старых воззрений и чувств, неисправимые интеллигенты и догматики, они принадлежат прошлому. Мы же должны готовиться к будущему, которое потребует от нас новых мыслей и новых чувств.

5. Необходимость пробуждения сил религиозных и национальных

Каждый раз, когда я перечитываю замечательное изображение Смутного времени в курсе Ключевского и по обыкновению нахожу множество сходств того времени с нашим, я с особенным вниманием останавливаюсь на следующих словах нашего блестящего историка: «В конце 1611 года Московское государство представляло зрелище полного видимого разрушения... Государство преобразалось в какую-то бесформенную, мятущуюся федерацию. Но с конца 1611 г., когда изнемогли политические силы, начинают пробуждаться силы религиозные и национальные, которые пошли на выручку гибнувшей земли»⁷.

В этих словах я вижу не только превосходное историческое обобщение, относящееся к прошлому, но и не менее замечательное предугадание, важное для будущего. Что это значит, что «изнемогли политические силы», а спасли гибнущую Русь «силы религиозные и национальные»? Яркий ответ на это дает ход смуты. Началось с того, что «все классы общества поднялись тут с своими *особыми* нуждами и стремлениями», низы ринулись кверху, стремясь к истреблению высших классов. Когда же засевшие в Москве поляки вызвали против себя первую попытку объединения русских людей в виде первого земского ополчения, социально-политические противоречия разорвали и обессилили эту рать. Пока отдельные политические группы соединялись во имя своих *особых* политических интересов, их соединение оказывалось непрочным, и они изнемогали во взаимных спорах. И только

тогда, когда новые и тягчайшие бедствия заставили всех забыть свои *особые* интересы во имя общего *национального* интереса, когда разрозненные политически группы превратились в единую политическую рать, восставшую на спасение веры и государства, тогда только Русь была спасена.

И невольно приходит тут в голову другое воспоминание из другого времени, более прославленного, более на шумевшего: когда Франция под водительством гениального Бонапарта выходила из своей революции XVIII века, ее лозунгом было: никаких фракций! — так тогда называли партии — нация прежде всего! Под этим лозунгом Франция, истомившаяся потрясениями и раздорами революционного времени, была умиротворена и успокоена Наполеоном.

Эти два примера — наш и чужой — как нельзя лучше показывают, какое значение имеет *национальное начало* как символ собирания и восстановления народной силы и государственного единства. Если всякая революция в стихийном своем течении превращается в диссолюцию, в разложение государства и народа, то обратный процесс восстановления и возрождения начинается с собирания народной силы воедино. И если в революции, начинающейся нередко с высоких объединяющих лозунгов, одолевают затем частные, центробежные и разрушительные стремления, то конец этому разрушению наступает тогда, когда у истомленного хаосом и смутой, кровью и слезами народа выковывается сознание общего своего страдания и общей своей нужды. Тогда-то вырастает то национальное чувство, то сознание общей связи, вне которого нет для государства спасения.

Великими жертвами, невыразимыми страданиями покупает и сейчас Россия свое национальное сознание. Тяжелым, тернистым путем приходим мы к убеждению, что Россия и русская культура выше партий и политических догм. В особенности среди молодых людей, среди более чутких и восприимчивых с непобедимой силой растет национальное сознание, крепнет естественное влечение к своему, родному, появляется пламенное чувство к родине, к отечеству, прочно входят в оборот забытые слова и забытые чувства. Тут сказывается протест не только против интернационализма, но и против анационализма и сверхнационализма всяческих видов и оттенков. «Дети» решительно отвергают отвлеченный космополитизм «отцов», их узкую партийность, их классовое народническое настроение. С пламенным увлечением, обнаруживающим подлинный дух времени, его сущность и его глубину, они исповедуют не только то, что русская культура национальна и своеобразна, что она органически связана с своим историче-

ским прошлым, но и то, что в этом историческом и национальном своеобразии своем она должна быть для всех нас святыней, пред которой должен склониться всякий партийный догматизм.

И этот пафос национализма так понятен и благодатен для русского сознания, в котором столь долго партийное чувство преобладало над национальным. Ведь так недалеко мы от того времени, когда ни одна из прогрессивных партий не решалась называть себя русской национальной партией, когда такое наименование считалось предосудительным и постыдным. Я не говорю уже о партиях социалистических и интернационалистических, для которых национальное есть пережиток прошлого, и те партии, которые считали себя государственными и сверх-классовыми, ставили себе как раз в заслугу, что они не национальны, а сверх-национальны, что на равных правах они включают в свой состав представителей всех народностей, живущих в России, а потому и стоят выше национальных особенностей и разделений. Казалось единственно правильным и прогрессивным, чтобы в политических партиях люди соединялись отвлеченными узами либерализма и гуманизма, началами равенства и свободы, принципами демократии и правового государства. И не приходило в голову, что, помимо таких отвлеченных принципов, все живущие в России, выросшие в колыбели русской культуры и под сенью русского государства и могут, и должны объединяться и еще одним высшим началом, прочнее всего связывающим, а именно преданностью русской культуре и русскому народу. В идеальном смысле своем это есть именно высшая духовная связь. Она отнюдь не означает отрицания национальных и культурных особенностей отдельных групп населения. Пусть каждая из них чтит и развивает свою культуру, но чтит и развивает ее на почве уважения и преданности великим сокровищам русской культуры. Это не угнетение, а приобщение к высшему единству, к единству и общению не только формально-юридическому, но и духовному.

Теперь нам кажется совершенно естественным и простым говорить о верховенстве и первенстве русского народа и русской культуры на русской земле и в русском государстве. А между тем так недавно еще — «свежо предание, а верится с трудом» — серьезно обсуждали предложение в официальном обращении к власти заменить слова: «русский народ», словами «народы России», да и сейчас есть организации, которые, не будучи социалистическими, стыдливо скрывают свою принадлежность к русскому народу под чисто географическим обозначением «российский».

Но что значит вернуться к национальному сознанию и принять во всей силе этого слова требование преданности России и русской

культуре? Это, конечно, прежде всего, означает поставить Россию выше своих особых интересов и стремлений, личных или групповых, классовых или партийных; это значит иметь в виду, прежде всего, Россию как целое.

Пока в Смутное время думали о своих интересах, о своих землях и домах, о своих вольностях и льготах, все шло вразброд. Когда же, по призыву Ермогена, Дионисия и Авраамия, встали на защиту отечества и веры православной и пошли для того, чтобы отстоять «церкви Божии» и «Пресвятыя Богородицы Дом», как говорили в то время, тогда Русь была спасена.

Так и теперь, если бы стали думать о «завоеваниях революции» или о завоеваниях своих земель и домов, ничего бы не вышло. И только тогда, когда сознание твердо укрепится на мысли, что прежде всего надо спасти родину и веру, государство русское и веру православную, отстоять «церкви Божия» и «Пресвятыя Богородицы Дом», тогда созреет настоящее национальное сознание, которое и спасет Россию.

Знамя «завоеваний революции» было достаточно, чтобы разрушить Россию, но оно бессильно ее восстановить. Для возрождения России нужно другое знамя — «восстановления святынь», — и прежде всего восстановления святыни народной души, которая связывает настоящее с прошлым, живущие поколения с давно отошедшими и весь народ с Богом, как жребий, возложенный на народ, как талант, данный Богом народу.

Ревнителю революционной догмы удивляются, когда русскую культуру связывают с историческим прошлым, когда в этом прошлом ищут основ для религиозно-нравственного и национального возрождения. Как будто бы Пушкин, Гоголь, Достоевский не восходят глубочайшими своими корнями к вековому творчеству русского национального гения, как будто бы русское православное сознание не имеет под собою вечных основ в прошлом! Как можно было бы после разрывов и разрушений революции говорить о национальном и религиозно-нравственном возрождении, не говоря о вечных святынях и о вековых связях? И в чем могло бы это возрождение состоять, как не в восстановлении этих связей и святынь. Люди, не желающие помнить родства и стыдящиеся своего исторического прошлого, никогда не поймут, что такое национальное чувство и что такое любовь к родине. Они боятся мрачных теней прошлого и не видят его творческих основ. Они хотели бы перекрасить свою страну в цвета и краски единоспасающей общечеловеческой цивилизации и не ощущают глубинных ее основ. Они хотят любить Россию, только отвечающую их отвлеченным представлениям, а не Россию действительную и подлинную.

Истинное национальное чувство не ограничивается только тем, чтобы, откидывая все частное и случайное, партийное и особенное, групповое и сектантское, подчинять себя сознанию общих связей и общего единства. Оно состоит также и в том, чтобы ощущать душу своего народа и его особый, своеобразный лик. Лик России, такой подчас пугающий и отвращающий, а в другое время трогаящий и умиляющий есть для многих, и своих, и чужих, камень преткновения и загадка. Трудно, очень трудно в наши дни сохранить верность России. Ведь вот и на Западе, и у нас сколь многие соблазнились, и не верят, и думают: погибла Россия, и по заслугам своим погибла. Но подлинное национальное чувство соблазниться не может: оно бережно и с пощадой прикасается к язвам и ранам родины-матери и верит, что за этими ранами и язвами зарождается новая жизнь, — своя, особенная и самобытная русская жизнь. И каждый из нас, кому Бог послал жребий быть русским, захочет ли стать счастливым англичанином или французом? захочет ли отречься от России и от ее страдальческого пути? Конечно, нет. Но если так, то надо идти дальше: надо стремиться понять особые пути России, ее особый жребий и за нищенским ее нарядом, как учат наши великие поэты и мыслители, разглядеть ее живую душу и ее призвание, не примеряя к ней чужих мерок, а стараясь помочь ей идти своим путем для блага и своего собственного, и всего человечества.

6. Пред лицом будущего

В той задаче «восстановления святынь», которая предстоит сейчас русским людям, особенно важно понять, что речь идет тут не о воскрешении каких-либо внешних форм жизни или быта, а о возрождении душ, о религиозно-нравственном возрождении. Необходимо понять, что для создания новой России нужны новые духовные силы, нужны воспрянувшие к новому свету души.

Русскому человеку в грядущие годы потребуются героические, подвижнические усилия для того, чтобы жить и действовать в разрушенной и откинутой на несколько веков назад стране. Ему придется жить не только среди величайших материальных опустошений своей родины, но и среди ужасного развала всех ее культурных, общественных и бытовых основ. Революция оставит за собой глубочайшие разрушения не только во внешних условиях, но и в человеческих душах. Среди этого всеобщего разрушения лишь с великим трудом будут пробиваться всходы новой жизни, не уничтоженные сокрушительным вихрем жестоких испытаний. Тлетворное дыхание большевизма всюду оставит следы разложения и распада. И новый дух, закаленный в этой страшной борьбе, с величайшим трудом бу-

дет овладевать распавшимися элементами общей жизни. Придется действовать в условиях ужасных и первобытных, и сколько раз у новых сеятелей «разумного, доброго, вечного» будут опускаться руки при виде этого необозримого поля, на котором новая жизнь начинается среди мертвых костей. Но более того: новые всходы, которые будут пробиваться на русской земле среди развалин, не всегда будут только добрыми и животворными, произрастающими на благо для всех; нередко они будут являть картину неудержимого стремления и буйного роста, утеснительного и пагубного для окружающих. Сколько новых темных чувств не заглухнувшей стихии опять проявится! сколько натворит новых бед суровая страсть порядка и покоя! сколько тяжелых этапов пройдет и могучая потребность хозяйственного восстановления с ее неукротимыми инстинктами приобретения и накопления! Потребуется наивысшая сила света и разума, чтобы светить и просвещать в этих новых бесконечно трудных условиях; потребуются величайшее напряжение верующего сознания, чтобы видеть впереди спасительный исход.

Но есть и другая причина, не менее глубокая, чтобы искать сейчас опоры только в религиозно-нравственном просветлении духа. Не мы одни, весь мир переживает в наши дни величайший кризис правосознания. И самое важное и основное в этом кризисе есть то, что это — кризис неверия, кризис культуры, оторвавшейся от религии, кризис государства, отринувшего связь с Церковью, кризис закона человеческого, отказавшегося от родства с законом Божеским.

Вот почему оскудела и демократическая идея. Ведь вера в ее всемогущество поколеблена не только ее крушением в русской революции, но и ее кризисом в странах ее недавнего торжества. Те, кто по-старому думают, что демократия есть какая-то исключительно хорошая и прочная форма, все еще полагают, что в плане своих стремлений на этом требовании демократии можно поставить точку. Они смотрят на демократию, как на некоторый исчерпывающий и всеобъемлющий символ справедливости и свободы, как на главное и основное условие всякого дальнейшего прогресса. Между тем современная научная мысль на основании широкого опыта применения демократических начал подтверждает очень древнее наблюдение, что демократия, как и всякая другая форма, может быть лучше или хуже в зависимости от духовного содержания, которое вкладывает в нее народ, и что при известных условиях она может стать и полным извращением всякой справедливости. Но более того: современное развитие и состояние демократии обнаруживает именно то духовное ее оскудение, о котором незадолго до своей смерти писал В. Д. Набоков. Замечательно, что совсем недавно (в 1922 г.) американский писатель Чарльз Туинг, характеризуя это духовное

оскудение, почти дословно, сам не подозревая об этом, повторил классическую характеристику Платона в Диалоге «Государство». Изображая тот «век рассеянной мысли», каким является, по его мнению, демократический век, Туинг замечает, что «демократии свойственно превращаться в анархию», что «демократический закон легко становится беззаконием»: «это мир, в котором каждый рассматривается не как равный другому, но немного лучше, чем другой; результатом является человеческий хаос... интеллектуальные идеалы разбиваются; царит разнузданность; умственная рассеянность распространяется в обществе, как леденящий мороз». Это горькое сознание гражданина великой заатлантической демократии с разных сторон подтверждается тем современным очень верным определением демократии, согласно которому она является системой релятивизма, системой терпимости и безразличия ко всяким догматам и взглядам, системой самых широких допущений и на все стороны открытых дорог. В этом признается великое преимущество демократии, но в этом нельзя не видеть и ее роковой опасности. Становясь системой духовного релятивизма и индифферентизма, она лишается всяких абсолютных основ, она поистине становится, чтобы употребить выражение Гасбаха, «как бы пустым пространством», в котором отдельные политические воззрения сталкиваются и утверждаются в зависимости от соотношения большинства и меньшинства. Жить в современном демократическом государстве — это значит жить в атмосфере относительного, дышать воздухом критики и сомнения. И неудивительно, если при отсутствии абсолютных духовных основ все сводится к борьбе сил, к борьбе большинства и меньшинства и в конце концов к борьбе классов. Качественные определения уступают место количественным. Борьба и столкновение сил — вот что становится решающим моментом. Понятно, что это путь к анархии, хаосу и «леденящему морозу». Самое страшное и роковое в этом процессе — опустошение человеческой души. Путь автономной морали и демократической политики привел к разрушению в человеческой душе вечных связей и вековых святынь. Вот почему мы ставим теперь на место автономной морали теонормную мораль и на место демократии, народовластия, — асиократию, власть святынь. Не всеисцеляющие какие-либо формы спасут нас, а благодатное просветление душ. Не превращение государственного строительства в чисто внешнее устройство человеческой жизни, а возвышение его до степени Божьего дела, как верили в это и как об этом говорили встарь великие строители земли русской, вот что прежде всего нам необходимо.

Таковы те совершенно особые условия и положения, которые надо иметь в виду, когда мы думаем о строительстве новой России. Надо

помнить, что всем нам придется жить в совершенно новом мире духовных соотношений, среди многих «потухших маяков», среди многих оскудевших и утративших обаяние ценностей. Холодно и неуютно будет в России; но, может быть, еще более холодно и неуютно будет и в той Европе, в которой издавна мы привыкли искать опоры своим стремлениям. И с новой силой исторгнется, может быть, из русской груди болезненный крик Гоголя: «Все глухо, могила повсюду!».

Для того чтобы среди этих исключительно тяжелых условий не потеряться, не сломиться, не изнемочь, тем, кто указывает путь и руководит «сердцами и совестью», нужно и самим стать людьми «нового сердца и нового сознания» и найти опору в новом сознании окружающих. Невозможно представить, чтобы ведущие и ведомые остались такими, какими они были ранее, в годы «завоеваний революции», в годы «саморазнуздания больного правосознания и судороги ожесточившейся слепоты» (выражение И. А. Ильина). Нужно, чтобы все поняли, что не механические какие-либо выборы и не какие-либо внешние формы власти выведут наш народ из величайшей бездны его падения, а лишь новый поворот общего сознания. Дело не в том, чтобы власть была устроена непременно на каких-то самых передовых началах, а в том, чтобы эта власть взирала на свою задачу, как на дело Божие и чтобы народ принимал ее, как благословенную Богом на подвиг государственного служения. Необходимо, чтобы замолкли инстинкты революционных домогательств и проснулся дух жертвенной готовности служить общему и целому. Нужно, чтобы стала впереди рать крестоносцев, готовых на подвиг и на жертву, и чтобы за нею стояли общины верующих, светлых духом и чистым сердцем, вдохновленных любовью к родине и вере. Должен образоваться крепкий духовный стержень жизни, на котором все будет держаться, как на органической своей основе.

И как бы ни представлять себе переход от жестокого и умерщвляющего деспотизма советской власти к формам более свободным и животворным, — в виде ли постепенного ослабления исключительного господства этой власти и постепенного привлечения его к управлению новых элементов, или в виде внезапного ее падения, все равно русский народ не встанет с своего одра, если не пробудятся в нем силы религиозные и национальные. Не политические партии спасут Россию, ее воскресит воспрянувший к свету вечных святынь народный дух!

Прага, 13 июня 1923 г.

